

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1839-1846
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1839

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Qadi Bakhauddin Khodja Hussein Khodjin in the Context of Imperial Power in Turkestan

Saule K. Uderbayeva^a, Zhanibek A. Akimbek^{a,*}

^a Al Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The problem of how empires ruled in new territories remains significant. The Russian Empire chose the path of incorporating local elites into the regional power hierarchy. Using the biography of Qadi Bakhauddin Khodja Hussein Khodja allows us to explore the models of governance of the Russian Empire and its collaboration with local elites in Turkestan. Examination of various stages of the Qadi makes it possible to analyze the policy of imperial power in dynamics. The tsarist administration took a pragmatic approach to governance, as maintaining control in the region was a priority.

Qadi Bakhauddin Khodja Hussein Khodja emerges as a figure trying to balance between loyalty to the Russian authority and the intention of preserving his independence in local affairs. His biography shows the adaptation of local elites to new political realities to maintain their influence. Knowledge of Sharia and an official position enabled Qadi Bakhauddin Khodja to strengthen his position in society. This situation was unreliable, as the confrontation between different groups for the place of the parties was constant. In these conditions, the elites resorted to various methods to achieve their goals.

This study helps to reveal the complex and diverse aspects of imperial governance in Turkestan. The biography of Qadi reflects not only his own strategies of adaptation but also transformation processes of the political institutions in the region, where the interests of the state and local social groups were intertwined.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, Sharia, power, Qazi, local elite, management strategies, conflict, intermediaries, corruption.

1. Введение

После установления контроля над Центральной Азией Российская империя приступила к укреплению своей власти, что было невозможно без взаимодействия с местными элитами. В этих условиях вырабатывались стратегии и механизмы взаимоотношений между государством и населением региона. Каждая из сторон преследовала свои интересы. Империя была заинтересована в интеграции края в общее политическое пространство. Местная элита старалась сохранить свое привилегированное положение в новой имперской реальности.

Биография казиза Бахауддина Ходжи Хусейн Ходжина является ярким примером для изучения этого вопроса. Его деятельность показывает, как влиятельные лица становились частью имперской власти, и каким образом складывались отношения между ними. Также его жизненный путь демонстрирует пути укрепления его собственного влияния в условиях новой власти. Ответы на эти вопросы помогают понять природу имперского управления, которая сочетала в себе разные стратегии. Данное многообразие стратегий и тактик дает возможность изучить характер власти Российской империи в Туркестанском крае.

* Corresponding author

E-mail addresses: akimbekzhanibek@gmail.com (Z.A. Akimbek)

2. Материалы и методы

Источниками нашего исследования являются архивные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Национального архива Узбекистана (Ташкент, Республика Узбекистан) и Туркестанского областного государственного архива (Шымкент, Республика Казахстан). В фондах указанных архивов сосредоточены материалы судопроизводства, жалобы на действия народных судей и делопроизводственные бумаги чиновников.

Биография Бахауддина Ходжи представляет собой case-study, поэтому мы обращаемся к методу «насыщенного описания» К. Гирца. Личность нашего героя служит связующим звеном для понимания того, как различные контексты переплетаются в имперской истории. Каждый новый этап его жизни демонстрирует влияние предыдущего индивидуального опыта на последующие процессы (Гирц, 2004).

Помимо специфических методологических подходов, при анализе был применен историко-биографический метод, используя который, мы изучили биографию казая в рамках политической и социальной истории Туркестанского края в имперский период. Это дает возможность изучить влияние его личных качеств на его посредническую роль между населением и империей. Сравнительный анализ позволяет сопоставить взаимодействие казая с другими представителями местной элиты изучаемого региона, а также помогает определить уникальные и схожие черты его взаимодействия с властями Российской империи.

3. Обсуждение

Историография исследуемой проблемы довольно обширна. В ней можно выделить следующие две группы работ. В первой группе исследований рассматривается влияние Российской империи на местное право народов Центральной Азии и трансформация статуса народного судьи (бий, кази). Так, известный американский историк В. Мартин обращает внимание на изменение юридических практик казахов Среднего жуза в изучаемый период. В рамках имперских порядков казахи манипулировали нормами адата для достижения своих целей. Также ученый показывает, как утвержденный имперской администрацией бий использовал свои ограниченные полномочия в пользу своего рода. Наличие альтернативных путей (имперские суды, административные ресурсы) разрешения конфликтов размывало грань между судебной и политической властью (Martin, 2001: 156-163). Такого мнения придерживается и британский исследователь А. Моррисон, считающий, что казии, став частью местной администрации, использовали империю для укрепления собственной власти (Morrison, 2008: 182). Исследователь истории права народов Российской империи, итальянский историк П. Сартори, приходит к выводу о том, что взаимодействие жителей Туркестанского края с государством изменило их правовое сознание. Это способствовало увеличению ложных жалоб на народных судей, что отчасти мешало их авторитету. Однако уничтожение ханской власти и его суда Российской империей укрепило власть казиев, поскольку они монополизировали решение правовых вопросов (Sartori, 2017: 104-156). По мнению американского историка Р. Круза, Российская империя стремилась сохранить прежний порядок дел и участвовала в разрешении конфликтов по причине неустойчивости своей власти в крае (Crews, 2006: 259).

Изучение социальных групп и роли отдельных личностей в имперский период является актуальным направлением в исторической науке. В новейших исследованиях отмечается, что представители местной знати стали частью колониальной бюрократии и принимали активное участие в системе управления. Став волостными управителями, они взаимодействовали не только с администрацией, но и учитывали интересы местных групп. А Российская империя была заинтересована в помощи местных элит в управлении нового региона (Hallez, 2022: 21-44; Uderbaeva, 2023: 146-165). Историк США Ч. Стейнведель рассматривает отношение Российской империи к местным элитам как набор определенных стратегий и привилегий, которые держали регионы под властью царя, экономя государственные ресурсы (Steinwedel, 2016: 5).

Казахстанский ученый П. Шаблей на примере биографии петропавловского ахуна Сирадж ад-Дина ибн Сайфуллы ал-Кызылгьяри показывает, как местные посредники, пользуясь бюрократическими тонкостями, использовали государство для укрепления своего статуса и самостоятельно решали местные вопросы (Шаблей, 2012: 175-208). Американский историк И. Кэмпбелл рассматривает процесс взаимоотношения высшей власти с казахскими посредниками в динамике. Если до реформ второй половины XIX в. Российская империя полагалась на местных посредников для управления Казахской степью, то на рубеже XIX-XX вв. государство реализовывало свои политические цели, основываясь на уже накопленных знаниях о регионе. Ученый приходит к выводу о том, что на ранних этапах освоения степи Российская империя полагалась на казахских посредников, которые, в свою очередь, опосредованно оказывали влияние на политику местной администрации. (Campbell, 2017: 125-156).

4. Результаты

В декабре 1881 года пятидесятники г. Туркестана подали прошение на имя начальника Туркестанского уезда. Они обвиняли казая Бахауддин Ходжа Хусейн Ходжина в превышении власти.

Кази Бахауддин Ходжа отправил своего младшего брата Акмалетдина с группой из 30-40 человек к дому Абдувалия, они причинили значительный материальный и физический ущерб и насильственно похитили его дочь. В дополнение к этому в прошении отмечалось, что кази самовольно прикладывает свою печать к разным бумагам, что вызывает конфликты в обществе. Жители выражали глубокое беспокойство уездному начальнику по поводу безнаказанности казиза и просили его отстранения от должности с уведомлением об этом военного губернатора Сыр-Дарьинской области.

Данное прошение подтолкнуло уездного начальника А.Г. Реймерса¹ провести расследование о случившемся и написать рапорт военному губернатору В.Н. Троцкому². Проведенное расследование показало, что Абдували Мухамет Алинов отдал свою дочь Шадман за Ахмета Ходжу Сеит-Ходжина. Однако его дочь уже состояла в браке с жителем Маргелана Нар Мухаметом Хаджи Мухамет Ибрагимовым, который отправился для совершения хаджа в Мекку. Десятилетнее отсутствие ее мужа послужило причиной заключения нового брака. Новый муж отдал отцу Шадман 850 рублей в виде калыма. Однако Абдували Алинов медлил отдавать свою дочь за Сеит-Ходжина, так как он узнал, что прежний муж Мухамет Ибрагимов вернулся из хаджа в Маргелан. Недовольный с задержкой Сеит-Ходжин обратился к казию Бахауддину Ходже, который поручил своим людям забрать невесту в дом нового мужа. Однако позже она была освобождена Реймерсом, и ей было позволено вернуться к своему первому мужу в Маргелан.

В своем рапорте Реймерс выражал возмущение действиями казиза Бахауддина Ходжи, так как он вызвал «неудовольствие многих жителей гор. Туркестана, во главе своих представителей выборных пятидесятников». В качестве меры предлагалось освободить Бахауддина Ходжу от должности казиза, при этом он не лишился бы права быть избранным в будущих выборах народных судей. Однако начальник уезда считал, что «следовало бы привлечь его к более строгой законной ответственности». Военный губернатор Сыр-Дарьинской области посчитал предлагаемые меры уездного начальника слишком строгими и решил оставить казиза в должности, освободив его от всякой ответственности по этому делу, поскольку он верно служил в своей должности 24 года ([ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 794. Л. 28, 42об.-48об.](#)).

Это событие проливает свет на внутреннюю жизнь жителей Туркестанского края. С одной стороны, обвинение казиза³ демонстрирует противоборство местных групп за официальную должность в иерархии управления. С другой стороны, возникает возможность изучения моделей управления имперской администрации в крае. Прагматический подход военного губернатора иллюстрирует нам, что власти учитывали значение местных элит и стремились избежать дополнительной нестабильности в регионе. Сохраняя статус-кво, Российская империя придерживалась стратегии управления, направленной на поддержание порядка через компромиссы с местными лидерами, несмотря на внутренние проблемы и конфликты. Этот случай помогает понять, как имперская власть справлялась с конфликтами и управляла новыми территориями.

Решение военного губернатора об оставлении в должности казиза можно рассматривать как осознанное невмешательство империи во внутренние вопросы населения. Эта тактика возникла в условиях «стратегической неопределенности». Такая политика способствовала устойчивости имперского управления, так как неформальные связи с местными элитами были намного эффективнее на окраинах. Исследователи У. Абдурасулов и П. Сартори продемонстрировали это на примере анализа ситуации в Хивинском ханстве после смерти Рахим-хана в 1910 г. Российская империя выступала за принятие программы реформ в ханстве, которая противопоставлялась идее о полной аннексии ханства. Включение ханства в состав империи было встречено в штыки не только самой хивинской знатью, но и представителями высшей власти в Санкт-Петербурге. Статус протектората создал условия для возникновения взаимовыгодных отношений и общих интересов между различными группами империи и ханства. Такое положение сэкономило ресурсы метрополии и позволяло поддерживать стабильность ([Абдурасулов, Сартори, 2016: 118-164](#)).

Однако стоит отметить, что данный метод управления имел свою динамику развития, поскольку по мере укрепления имперской власти менялась роль местных элит. В первые годы включения новых земель царская администрация предпринимала осторожные шаги, так как опасалась возникновения недовольства населения и ограничивалась сбором информации о своих новых подданных. По мере накопления информации империя действовала более уверенно и меньше полагалась на посредников ([Campbell, 2017: 5-9](#)).

Несмотря на обещание автономии внутренней жизни мусульманского населения края, имперские реформы привнесли существенные изменения в функционирование правовых институтов. По Временному положению 1867 г. вводились в действие два вида судопроизводства для местного

¹ Алексей Густавович Реймерс (1842–1904) занимал должность Туркестанского уезда дважды: с 1872 по 1882 гг. и с 1885 по 1887 гг. С 1887 г. до ухода в отставку в 1889 г. он был начальником Казалинского уезда.

² Виталий Николаевич Троцкий (1835–1901) с 1878 по 1883 гг. был военным губернатором Сыр-Дарьинской области.

³ Кази (кади, قاضي - qāḍī) – судья, занимающийся разрешением споров на основе норм шариата.

населения в Туркестанском крае. Самоуправление кочевого населения включало должности волостного управителя и аульного старшины, а все споры решались в суде биев, если сумма не превышала 100 рублей. Оседлое население управлялось аксакалом.

Согласно статье 219 Временного положения, казием могло стать любое лицо, достигшее 25 лет, пользовавшееся уважением и доверием народа. Выбранное местным населением в качестве народного судьи лицо утверждалось военным губернатором области. Народный судья не получал жалованье от казны, но местное общество могло назначить им содержание по составленному общественному приговору. Уездный начальник выдавал казию бронзовый значок и печать. Казии также рассматривали только гражданские иски, сумма которых была аналогичной с судом биев. Остальные гражданские дела выше указанной суммы решались в съездах народных судей. Приведение в исполнение решения чрезвычайного съезда являлось обязанностью страшого аксакала. Все решения записывались в особой книге с приложением печати. Съезд имел право применять такие виды наказания, как арест, штраф, отдача на заработки и ссылка в Сибирь. Физическое наказание отменялось. Арестованные лица содержались в тюрьмах ([Материалы..., 1960: 298-302](#)).

Рассмотрение уголовных дел было прерогативой русского суда. Также дела между мусульманами и русскими решались в имперском суде. Кроме того, тяжбы между сартами (оседлое население Туркестанского края) и кочевниками тоже рассматривались в имперском суде ([Материалы..., 1960: 293-294](#)).

Бахауддин Ходжа Хусейн Ходжин был назначен казием г. Туркестана кокандскими властями и являлся кази-каляном (верховным судьей) ([ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 794. Л. 21, 210б.](#)). До российского завоевания казии назначались ханами. Подтверждением назначения являлся специальный ярлык (грамота). В нем могли быть прописаны особые полномочия судьи. Казии зависели от решения самого хана и в основном исполняли функцию нотариуса и советника. Вынесенный приговор являлся итогом судебного процесса, проведенного по приказу хакима или хана ([Sartori, 2017: 47-54, 101-103](#)).

Материалы первых выборов народного судьи Туркестана не были выявлены в архивных фондах, но уже упомянутая 24-летняя служба казия Бахауддина дает нам основание предполагать, что он получил большинство голосов пятидесятников и беспрепятственно был утвержден в этой должности. Этому могли способствовать личные отношения Бахауддина Ходжи с имперскими чиновниками. Как отмечает историк Джефф Сахадео, в первые годы завоевания Туркестана русская администрация опиралась на местных посредников, имевших значительное влияние. Соответственно, эта возможность помогала местным элитам в достижении личных целей ([Sahadeo, 2007: 85](#)). Сам кази Бахауддин Ходжа немало помог русским войскам, за что неоднократно был награжден. Так, за помощь в освобождении персидских рабов генерал М. Черняев наградил казия бархатным кафтаном и золотой медалью на Анненской ленте ([ЦГА РК. Ф. И-118. Оп. 1. Д. 22. Л. 170б.](#)).

Русская администрация широко практиковала привлечение местных посредников для управления новой территорией. Н. Остроумов¹ оставил ценные заметки о посреднической роли народных судей. Мухитдин Ходжа был сыном ишана и последнего кази-каляна Ташкента. Как отмечает автор, Мухитдин Ходжа успешно справлялся с ролью посредника между властью и народом. Личный авторитет казия помог внедрению имперских законов в Туркестанском крае. Кази был частым гостем в доме генерал-губернатора и возглавлял местную депутацию на мероприятиях.

Н. Остроумов в своем труде также упоминает Саттархана Абдулгафарова. До взятия Чимкента (ныне – Шымкент) русскими войсками в 1864 г. он два года являлся муфтием города. При царской власти Абдулгафаров служил переводчиком Сыр-Дарьинской поземельно-податной комиссии, казием Коканда и Чимкента, а также дослужился до чина губернского секретаря ([Остроумов, 1908: 125-137](#)). Военный губернатор Сыр-Дарьинской области Н. Гродеков² прибегал к услугам Саттархана Абдулгафарова в сравнении английского перевода с арабским оригиналом труда по мусульманскому праву «Хидая» ([Савицкий, 1965: 24](#)).

Неудовлетворенное решением казия лицо могло обжаловать на съезде народных судей. Участники съезда избирали из своей среды председателя. Согласно архивным документам, обычно участники съезда выбирали председателем казия Бахауддина Ходжу ([ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 327. Л. 280б.; ЦГА РК. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 811. Л. 3](#)). Н. Лыкошин³ отмечал, что «бессменный председатель

¹ Николай Петрович Остроумов (1846–1930) – востоковед, историк. Занимался изучением истории и культуры народов Туркестанского края. Был директором Туркестанской учительской семинарии и редактором «Туркестанской туземной газеты».

² Николай Иванович Гродеков (1843–1913) с 1883 по 1892 гг. являлся военным губернатором Сыр-Дарьинской области, а с 1906 по 1908 гг. генерал-губернатор Туркестанского края.

³ Нил Сергеевич Лыкошин (1860–1923) – краевед и офицер. Автор переводов на русский язык восточных рукописей. Один из основателей Туркестанского кружка любителей археологии (1895). Наряду с научной деятельностью занимал разные официальные должности в военно-народном управлении Туркестанского края. Был военным губернатором Самаркандской области (1914–1917).

утверждает за собой значение, во многом схожее с положением при мусульманском режиме «казы-каляна» или старшего казая» (Лыкошин, 1916: 91).

Областная администрация отрицательно относилась к выборам народных судей, приводя в пример традицию назначения казиев ханами и беками. По мнению чиновников, казиями становились лица, добившиеся «своей должности посредством интриг и подкупов, или же фанатиков мусульманства» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 60. Л. 23). Начальник Чимкентского уезда Н. Благовидов¹ писал в Сыр-Дарьинское областное правление, что распространение коррупции стало причиной падения авторитета народных судов среди населения. В результате люди начали подавать свои жалобы чиновникам. Благовидов отмечал, что уездная администрация не имела права вмешиваться в судебный процесс, и не было «физической возможности проверить каждую жалобу по существу дела, если бы даже допустить такое вмешательство» (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 71. Л. 14, 15). С первых лет введения этой должности избранные народные судьи обвинялись в коррупции и разных незаконных действиях. Это позволило заинтересованным лицам или группам достигать своих личных целей.

При царской власти практика подачи ложных жалоб приобрела массовый характер. Этому способствовало незнание чиновников с жизнью местного населения. Порой власти сами поощряли подачу ложных жалоб, чтобы подорвать престиж народного суда, тем самым укрепив положение имперского судопроизводства. А местных жителей интересовала финансовая выгода этого дела (Sartori, 2017: 138-139).

В декабре 1888 г. возник спор между зрителями мечети Азрет Султан (мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави) в г. Туркестане. Зрителями мечети являлись представители трех святых родов «Шейх-Ислам», «Накип» и «Азляр».² Раз в год на неделю открывалось помещение «хильват», где совершался зикр (многократное поминание Бога). Могила святого привлекала паломников со всей Центральной Азии, что обеспечивало значительные доходы для зрителей. Спор возник по причине борьбы за главное место зрителя мечети, которое принадлежало представителям рода «Азляр». Туркестанский участковый пристав передал это дело на рассмотрение казию Бахауддину Ходже, который постановил «председательствовать в хильвате всем трем родам, ... недовольных решением присудил при возбуждении новых споров подвергать семидневному аресту» и в случае необходимости само помещение закрыть. Возмущение действиями казиев выразили не только прежние зрители, но и их сторонники, в числе которых были старший аксакал города, купцы и представители казахского населения. Они утверждали, что кази был лично заинтересован в этом предприятии, так как стремился предоставить место зрителя своему младшему брату Акмалетдину, выходцу из рода «Накип».

Согласно бывшему зрителю Атахана Ходжи Азляра Шарифа Ходжи Азлярова, он был лишен этой наследственной должности спустя 13 лет службы казием Бахауддином Ходжей, поскольку он отказался дарить ему лошадь. За отказ кази обвинил его в подстрекательстве населения к бунту и был помещен в тюрьму участковым приставом. По словам самого казиев Бахауддина Ходжи, представители рода «Шейх-Ислам» и «Накип» «заявили ему, что они старше Азляра родом и выше образованием, а потому они имеют право на председательство в хильвате и долю от раздела приношений». По мнению казиев, это требование не перечило нормам шариата, так как в нем не говорилось о наследственном владении места зрителя (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 90. Л. 20, 21, 34-39).

По заключению чиновников областной администрации, спор возник в результате разногласий между святыми родами, боровшимися за контроль над распределением поступающих пожертвований. Областное правление предписало передать это дело на рассмотрение съезда казиев в случае отсутствия мирового соглашения между сторонами. Бахауддин Ходжа Хусейн Ходжин не был привлечен к ответственности, поскольку к моменту рассмотрения дела он был снят с должности народного судьи (ТОГА. Ф. 1129. Оп. 3. Д. 90. Л. 61-63). Он был отстранен от должности в октябре 1889 г. в связи с подтверждением факта получения взятки с жителей города по другим делам (ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 1. Д. 86. Л. 4; ЦГА РК. Ф. И-145. Оп. 3. Д. 16. Л. 33).

Данный случай показывает, как кази Бахауддин Ходжа использовал свой статус и вынес решение в пользу своих сторонников. Заинтересованные лица могли извлекать выгоду, манипулируя нормами шариата. Во время власти ханов местное население не могло вмешиваться в процесс вынесения правовых заключений. С приходом русских возможность вынесения положительного решения стала доступной (Sartori, 2017: 303).

Сохранение существующего порядка было выгодным для администрации, так как это способствовало стабильности и поддержанию порядка, не требуя активного вмешательства. Власть видела это самым верным решением, поскольку альтернативного подхода в поддержании порядка и взаимодействия с местными институтами попросту не существовало (Мухаметшин и др., 2013: 95). Споры среди местных групп отражали более широкие социальные и политические процессы,

¹ Николай Ермолаевич Благовидов – начальник Чимкентского уезда (1883–1900).

² Представители святых родов «шайх ал-ислам», «накиб», «азизлар» являются потомками известного проповедника ислама среди тюркских народов, суфия Ходжи Ахмеда Ясави. Этот статус позволил выходцам из этих родов получить жалованные грамоты от разных центральноазиатских правителей на управление мавзолеем Х.А. Ясави.

происходившие в регионе. Несмотря на вмешательство русской администрации в данное дело, характер ее поведения демонстрирует нам, что власти учитывали интересы элит и избегали возникновения крупных конфликтов. Также, на наш взгляд, осторожное отношение чиновников было обусловлено опасением потери контроля над городом, поскольку участниками события стали не только городские жители, но и казахи.

Лишение официальной должности не повредило общественному положению Бахауддина Ходжи Хусейн Ходжина В 1900 году он, будучи старшим мударрисом медресе «Шейх Бадаль Датха», по причине его ветхости просил о переносе преподавательской деятельности в аналогичное учебное заведение, принадлежавшее купцу 2-й гильдии Анарбаю Суфибаеву. Областное правление не удовлетворило это прошение, так как старший мударрис имел вредное влияние на «киргизское (казахское) население в смысле внушения религиозного фанатизма и ненависти к русскому правительству». Кроме того, с марта 1898 г. медресе Суфибаева было закрыто ввиду вреда для местных казахов. Главный инспектор училищ Туркестанского края предложил закрыть медресе «Шейх Бадаль Датха» и запретить Бахауддину Ходже заниматься преподавательской деятельностью. Опасаясь возможного недовольства населения, чиновники ограничились лишь заменой преподавателя, так как в случае закрытия учебного заведения местные жители могли отправить своих детей на обучение татарским или бухарским учителям. (НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 589. Л. 1, 3, 11).

Данный случай демонстрирует произошедшие изменения в имперской политике в отношении Туркестанского края. На рубеже XIX-XX вв. в политическом языке чиновников Российской империи начинают часто встречаться такие термины, как «панисламизм» и «фанатизм». Андижанское восстание Дукчи-ишана в 1898 г. только подтвердило эти опасения. Усилились наблюдения за жизнью мусульман, и любые их действия трактовались как угроза государственной власти (Бабаджанов, 155-200). По замечанию И. Кэмпбелла, эти изменения отразились на отношении империи к местным посредникам (Campbell, 2017: 90).

С одной стороны, власти беспокоились усиления «религиозного фанатизма» казахов, а с другой, – была угроза религиозного влияния бухарских и татарских проповедников. Со второй половины XIX в. государство перестало рассматривать татарских мулл как проводников имперской политики, а с 1868 г. Казахская степь была выведена из юрисдикции Оренбургского муфтията. По мнению первого генерал-губернатора Туркестанского края К.П. фон Кауфмана, татары и башкиры «всегда являлись самыми ревностными поборниками господства идей и порядков мусульманства» (НАУ. Ф. И-1. Оп. 19. Д. 818. Л. 23). Имперские чиновники и востоковеды считали, что казахи выделялись своей «индифферентностью» к исламу. Доказательством этого служили неисполнение пятикратного намаза и руководство в общественной жизни нормами адата, который не имел ничего общего с шариатом (Наливкин, 1913: 47-48). Поэтому следовало оградить казахов от пагубного влияния мусульманских народов. Империя позиционировала себя как защитника народов, подвергавшихся татарскому влиянию. Поэтому культурная борьба с панисламизмом стала историческим предназначением Российской империи на окраинах (Ремнёв, 2006: 276-277).

5. Заключение

В данном исследовании основные этапы биографии казия Бахауддина Ходжи Хусейн Ходжина были воссозданы в результате анализа выявленных архивных документов. Полученные данные демонстрируют разные модели реализации имперской власти в Туркестанском крае. Царской власти были свойственны адаптивность и прагматизм в зависимости от текущих условий. Изменение подходов управления было обусловлено желанием сохранения порядка и стабильности в регионе.

Такая гибкость была характерна и для местных элит. Являясь посредниками между новой властью и местным населением, она не только способствовала проведению имперских преобразований, но и преследовала собственные интересы, что нередко требовало обхода или манипуляций с новыми правилами. Взаимодействие между империей и местными элитами способствовало формированию уникальных административных моделей, основанных на компромиссах.

Это исследование позволяет глубже понять суть пересечения интересов империи и местных влиятельных групп и их взаимовлияния друг на друга. Изучение динамики имперских практик помогает не только при анализе истории Туркестанского края, но и в оценке влияния имперских порядков на развитие местных жителей.

Литература

Абдурасулов, Сартори, 2016 – Абдурасулов У., Сартори П. Неопределенность как политика: размышляя о природе российского протектората в Средней Азии // *Ab Imperio*. 2016. №3. С. 118-164.

Бабаджанов, 2009 – Бабаджанов Б. Андижанское восстание 1898 года и «мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных») // *Ab Imperio*. 2009. №2. С. 155-200.

Гириц, 2004 – Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.

Лыкошин, 1916 – Лыкошин Н.С. Пол жизни в Туркестане: очерки быта туземного населения. Петроград, 1916. 415 с.

- Материалы...**, 1960 – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. 1. Алма-Ата, 1960. 441 с.
- Мухаметшин и др., 2013** – *Мухаметшин Ф.М., Абашинов С.Н., Арапов Д.Ю. и др.* Россия – Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI века. М., 2013. 480 с.
- Наливкин, 1913** – *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. 115 с.
- НАУ** – Национальный архив Узбекистана.
- Остроумов, 1908** – *Остроумов Н.П.* Сарты. Этнографические материалы. Ташкент, 1908. 288 с.
- Ремнёв, 2006** – *Ремнёв А.* Российская империя и ислам в казахской степи (60-80-е годы XIX века) / Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: ежегодник. М., 2006. 238-277 с.
- Савицкий, 1965** – *Савицкий А.П.* Саттархан Абдулгафаров – просветитель-демократ. Ташкент, 1965. 48 с.
- ТОГА** – Туркестанский областной государственный архив.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Шаблей, 2012** – *Шаблей П.* Ахун Сирадж ад-Дин ибн Сайфулла ал-Кызыльгари у казахов Сибирского ведомства: исламская биография в имперском контексте // *Ab Imperio*. 2012. №1. С. 175-208.
- Campbell, 2017** – *Campbell I.W.* Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca, London, 2017. 273 p.
- Crews, 2006** – *Crews R.D.* For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, London, 2006. 463 с.
- Hallez, 2022** – *Hallez X.* Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonization tsariste. Fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868-1917) // *Archives de sciences sociales des religions*. 2022. №199. Pp. 21-44.
- Martin, 2001** – *Martin V.* Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism. Richmond, 2001. 264 p.
- Morrison, 2008** – *Morrison A.* Russian Rule in Samarkand 1868-1910: A Comparison with British India. Oxford, 2008. 364 p.
- Sartori, 2017** – *Sartori P.* Visions of Justice: Sharia and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden, Boston, 2017. 392 p.
- Sahadeo, 2007** – *Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington, 2007. 316 p.
- Steinwedel, 2016** – *Steinwedel C.* Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917. Bloomington, 2016. 383 p.
- Uderbaeva, 2023** – *Uderbaeva S.* The Formation of Kazakh Officialdom and Its Incorporation into the Russian Imperial System of Administration // *Oriente Moderno*. 2023. №2. Pp. 142-165.

References

- Abdurasulov, Sartori, 2016** – *Abdurasulov, U., Sartori, P.* (2016). Neopredelennost' kak politika: razmyshlyaya o prirode rossiyskogo protektorata v Sredney Azii [Uncertainty as Politics: Reflecting on the Nature of the Russian Protectorate in Central Asia]. *Ab Imperio*. 2: 118-164. [in Russian]
- Babadzhanov, 2009** – *Babadzhanov, B.* (2009). Andizhanskoye vosstanie 1898 goda i «musul'manskiy vopros» v Turkestane (vzglyady «kolonizatorov» i «kolonizirovannykh») [Andijan Uprising of 1898 and the “Muslim Question” in Turkestan (Views of the “Colonizers” and the “Colonized”)]. *Ab Imperio*. 2: 155-200. [in Russian]
- Campbell, 2017** – *Campbell, I.W.* (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca, London. 273 p.
- Crews, 2006** – *Crews, R.D.* (2006). For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge, London. 463 p.
- Geertz, 2004** – *Geertz, C.* (2004). Interpretatsiya kul'tur [The Interpretation of Cultures]. М. 560 p. [in Russian]
- Hallez, 2022** – *Hallez, X.* (2022). Pratiques et structures politiques kazakhes sous la colonization tsariste. Fait tribal et fait religieux dans la région du Semiretche (Turkestan, 1868-1917) [Kazakh Political Practices and Structures Under Tsarist Colonization: Tribal and religious Facts in the Semireche Region (Turkestan, 1868-1917)]. *Archives de sciences sociales des religions*. 199: 21-44. [in French]
- Lykoshin, 1916** – *Lykoshin, L.* (1916). Pol zhizni v Turkestane: ocherki byta tuzemnogo naseleniya [Half of Life in Turkestan: Essays on the Life of the Native Population]. Petrograd. 415 p. [in Russian]
- Martin, 2001** – *Martin, V.* (2001). Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism. Richmond. 264 p.
- Materialy...**, 1960 – Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's accession to Russia to the Great October Socialist Revolution)]. Т. 1. Алма-Ата. 1960. 441 p. [In Russian]
- Morrison, 2008** – *Morrison, A.* (2008). Russian Rule in Samarkand 1868-1910: A Comparison with British India. Oxford. 364 p.

- Mukhametshin et al., 2013 – Mukhametshin, F.M., Abashin, S.N., Arapov, D.Yu., Babadzhanov, B.M., Germanov, V.A., Ivanov, V.A., Shigabdinov, R.N. (2013). Rossiya – Srednyaya Aziya: Politika i islam v kotsce XVIII – nachale XXI veka [Russia and Central Asia: Politics and Islam from the Late XVIII to the Early XXI Century]. M. 480 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1913 – Nalivkin, V.P. (1913). Tuzemtsy ran'she i teper' [Natives then and now]. Tashkent. 115 p. [in Russian]
- NAU – Nacional'nyy arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- Ostroumov, 1908 – Ostroumov, N.P. (1908). Sarty. Etnograficheskiye materialy [Sarts. Ethnographic materials]. Tashkent. 288 p. [in Russian]
- Remnev, 2006 – Remnev A. (2006). Rossiyskaya imperiya i islam v kazakhskoy stepi (60-80-ye gody XIX veka) [Russian Empire and Islam in the Kazakh Steppe (60-80s of the 19th century)]. Rasy i narody: sovremennyye etnicheskiye i rasovyye problemy: yezhegodnik. M. Pp. 238-277 p. [in Russian]
- Sahadeo, 2007 – Sahadeo, J. (2007). Russian Colonial Society in Tashkent, 1865-1923. Bloomington. 316 p.
- Sartori, 2017 – Sartori, P. (2017). Visions of Justice: Sharia and Cultural Change in Russian Central Asia. Leiden, Boston. 392 p.
- Savitsky, 1965 – Savitsky, A.P. (1965). Sattarkhan Abdulgafarov – prosvetitel'-demokrat [Sattarkhan Abdulgafarov – educator-democrat]. Tashkent. 48 p. [in Russian]
- Shablei, 2012 – Shablei, P. (2012). Akhun Siradz ad-Din ibn Sayfulla al-Kyzyl'yari u kazakhov Sibirskogo vedomstva: islamskaya biografiya v imperskom kontekste [Akhun Siraj ad-Din ibn Saifullah al-Kyzyl'yari among the Kazakhs of the Siberian Department: an Islamic Biography in an Imperial Context]. *Ab Imperio*. 1: 175-208. [in Russian]
- Steinwedel, 2016 – Steinwedel, C. (2016). Threads of Empire: Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917. Bloomington. 383 p.
- TOGA – Turkestanskiy oblastnoy gosudarstvennyy arkhiv [Turkestan Regional State Archive].
- TsGA RK – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan].
- Uderbaeva, 2023 – Uderbaeva, S. (2023). The Formation of Kazakh Officialdom and Its Incorporation into the Russian Imperial System of Administration. *Oriente Moderno*. 2: 142-165.

Кази Бахауддин Ходжа Хусеин Ходжин в контексте имперской власти в Туркестанском крае

Сауле Карибаевна Удербаева^a, Жанибек Алтынбекович Акимбек^{a,*}

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. Актуальным остается вопрос, как империи управляли новыми территориями. Российская империя пошла по пути привлечения местных элит в региональную иерархию власти. На примере биографии казия Бахауддина Ходжи Хусеин Ходжина рассматриваются модели управления Российской империи и ее взаимодействие с местными элитами в Туркестанском крае. Изучение различных этапов жизни народного судьи дает возможность проанализировать политику имперской власти в динамике. Царская администрация проявляла прагматический подход в управлении, поскольку сохранение контроля над краем являлось первостепенной задачей. Эта особенность стала причиной выработки набора разных вариантов осуществления власти.

Наш герой выступает фигурой, пытающейся балансировать между лояльностью к властям Российской империи и стремлением сохранения своей самостоятельности в местных делах. Его биография показывает адаптацию местных элит к новым политическим реалиям в целях сохранения своего влияния. Знание норм шариата и официальная должность предоставили казию Бахауддину Ходже возможность укрепить свое положение в обществе. Однако это положение было шатким, поскольку противоборство разных групп за место было постоянным. В этих условиях элиты прибегали к разным способам достижения своих целей.

Настоящее исследование позволяет изучить особенности имперского управления в Туркестанском крае, которое отличалось своей сложностью и многообразием. Биография народного судьи освещает не только личные стратегии его приспособления к новым условиям, но и процесс трансформации политических институтов в Туркестанском крае, где переплетались интересы государства и местных социальных групп.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, власть, шариат, кази, местная элита, стратегии управления, конфликт, посредники, коррупция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akimbekzhanibek@gmail.com (Ж.А. Акимбек)